

показательная для развития русской мысли XVII века, свойственна также грамоте 1668 года, прибегающей к примерам из русской и всемирной истории, к ссылкам на сочинения византийских и античных авторов. Рассмотрим также и ее содержание.

Если мы захотим разыскать начало этого славного искусства живописи, — говорится в начале грамоты, — мы найдем, что первый художник есть бог, потому что он захотел сотворить человека. Сотворим, сказал, человека во образ и подобие наше. Итак, первейший образ человека есть сам господь бог, производный или произведенный — человек. Поэтому образ есть как бы некое подражание. Но также и икона (греческое *ἑικὼν* означает „образ“, „изображение“, „подражание“) потому так называется, что она есть отношение образа к образу, основанное на подобии („аки сношение есть образа ко образу с неким подобием“). Следовательно, „хитрость иконную“, т. е. искусство изображения, изобрел первый не Гигес Индийский, как предполагал Плиний, и не Пирр, как думал Аристотель, и не Полигнот, как судил Феофраст, и не египтяне, не коринфяне, и не хияне, или Афины, были первыми открывшими это славное искусство, как думают некие, но только тот самый господь, которого называют виновником всяких искусств и знаний, украсивший небо звездами и землю цветами.¹

Мудрые греческие мужи написали завет, чтобы никто из рабов или пленников не учился „хитрости иконной“, т. е. искусству, но только дети благородных и сыновья „советничьи“ обучались этому „художеству“. Не иначе узаконили и древние римляне. Между ними один из первых был род Фавиев, происходивший от Фавия — прославленного художника,² который, по выражению другой грамоты, грамоты Алексея Михайловича, „не меньшую стяжа похвалу иконною кистию, яко прочии мечем и копием острым“.³ Митродор, которого Павел Емилий просил обучить нескольких юношей, чтобы они могли украсить красками преславные победы последнего, был одновременно философом и художником. Но почему не привести в пример царей и первейших князей, не гнушавшихся искусством, как делом неприличным своему достоинству, но почитавших за величайшую себе честь держать в правой руке не только скипетр, но и кисть живописца, напоенную различными красками?⁴

Живописью („иконным писанием“) как магнитом был привлечен Богарис, именуемый и иным именем — Баризис. Он — первый христианин из болгарских князей, — увидев написанное на стене изображение „Второго пришествия“ Христа, показывавшее славу святых за их добродетели и, на противоположной стороне, адские казни, которыми по заслугам будут мучиться нечестивые после последнего суда, — принял христианство, пораженный этим изображением. Грамота повторяет легенду о том, будто и великий князь киевский и „всяя России“ Владимир уверовал и крестил всю Русскую землю после того, как учитель Кирилл философ показал ему изображение того же „Второго пришествия“, написанное на ткани. Григорий Назианзин рассказывает, как некий развратный юноша, увидев „своими очами преизрядного некоего любомудреца честное изображение, сиречь Полемонов, пред дверьями блудялица поставленное“, так устрасился им, что удержался от разврата, как будто бы, находясь перед изображением, он был пронзен стрелою

¹ П. Пекарский. Материалы, столб. 321.

² Там же.

³ Там же, столб. 329.

⁴ Там же, столб. 321—322.